

Антиколокольная кампания на Каргополье.

По архивным источникам

В каждом приходе города Каргополя и уезда были свои колокола, свои звоны. Вот как пишет об этом краевед Ф.К. Докучаев-Басков: *«Хотя в Каргополе и нет особенно больших колоколов, но при множестве колоколов здесь хороши «вечерний звон», особенно в некотором отдалении, когда никакой отдельный более близкий звон не покрывает других, а все они в полной отдельности и неприкосновенности с одинаковым изяществом достигают до вашего слуха, переливаясь со всей отличительной характерностью каждого колокола... Гудят они переливаясь – одни гулко, другие – с оттенком хриловатости, дребезжания или какой-то деревянной беззвучности – все звуки знакомые, все голоса годные! Тут и Пятница, и Никола, и Горка, и Дух, и Собор, и Воскресенье, и прочие говорят своими отдельными языками до тех пор, пока не сольются в неразбериху трезвона... Вдали, по деревенским полям благоговением веет в эти торжественные минуты божественного звона».*

После 1917 г. колокола в России стали объектом непрерывных нападок. Одним из первых советских декретов был запрещен набатный звон, чтобы исключить возможность призыва к выступлению против большевиков. В 1926 г. вышла инструкция Наркомюста «О порядке пользования колокольными». Уже не церковь обладала правом колокольного звона, а местные власти получали почти неограниченные права в его регламентации. А в 1929 г. началась «антиколокольная кампания», которая буквально захлестнула страну. Президиум ВЦИК осенью 1929 г. принял следующее постановление: *«... колокольный звон, производимый на всю данную округу церковниками, резким образом противоречит принципу отделения церкви от государства, ибо нарушает бытовые условия и права широких безрелигиозных трудящихся масс, особенно города...».*

Документы о том, как происходила борьба с колоколами и колокольным звоном в Каргопольском районе, хранятся в архиве муниципалитета. До 1930-х гг. в самом городе и районе было более 120 колоколов, и практически все они находились на своих местах. Но уже принимаются решения о снятии их. Так, например, в городе в 1930 г., когда были упразднены Свято-Духовский, Соборный и Николо-Владимирский приходы, городской совет принимает решение: *«... закрыть действующие три церкви ..., ценности и колокола передать в фонд индустриализации».* Жители с. Ловзанга по вопросу о закрытии храмов принимают следующее решение: *«... Снять коло-*

кола с церквей в фонд индустриализации под лозунгом: «Долой поповский дурман!». Собрание колхозников этой же деревни приняло постановление: «...религиозные праздники отменить, церковь закрыть, колокола сдать в фонд индустриализации». Чаще всего колокола передавались колхозам и использовались «...для необходимых вызовов на случай стихийных бедствий, пожаров...».

Из архивных документов видно, где находились и как использовались колокола. В Ягремских церквях было 18 колоколов, а один колокол находился в пользовании колхоза «Красная слобода». В Хотеновском сельском совете в действующих церквях находилось 6 колоколов, а в колхозах их было 10. При Нокольской церкви было 6 колоколов «...хотя церковь не действующая и совсем не закрыта». В часовне в той же Ноколе было 3 колокола, но использовались они по-разному: «один при колхозе сигналом повешен, второй находится в Пояменском лесопункте, тоже используется сигналом и третий на часовне». В Ухотском сельсовете на храмах было 8 колоколов и т. д.

В 1934 г. антиколокольная кампания активизировалась в Северном крае. Этот год стал трагическим для каргопольских колоколов. В сентябре этого года всем председателям сельсоветов было предписано срочно сообщить «сколько имеется колоколов и бронзы в закрытых церквях и часовнях, а также действующих церквях отдельно, и сколько взято для использования в колхозах. Их вес и количество». Вероятно, это было сделано для того, чтобы знать, какое количество колокольной бронзы имеется в районе для последующего изъятия.

В ноябре 1934 г. под грифом «Не подлежит оглашению» всем председателям сельских советов было разослано следующее постановление: «Решением закрытого заседания президиума крайисполкома наш район обязан произвести заготовку и отгрузку колокольной бронзы в срок до 10 октября с/г в количестве 10 тонн, а посему президиум РИКа предлагает срочно произвести изъятие колокольной бронзы с бездействующих церквей, часовен и ровно и колоколов, переданных временно колхозам и другим организациям и доставить таковые в Каргополь на склад райфо, одновременно сообщив по телефону количество изъятной бронзы. Учитывая, что изъятие бронзы и колоколов из церквей вызовет массу толков среди населения, под персональную ответственность председателям с/с предлагаем провести разъяснительную работу среди колхозников-единоличников деревни о важности и необходимости изъятия и тем самым предупредить отдельные выпадки классового врага». Чтобы выполнить план по количеству металла, было приказано:

«остальную сумму... должны изъять из колхозов - колоколами и утварью из закрытых церквей».

Первоначально были сняты колокола с тех храмов, которые были уже закрыты. Одновременно с этим были изъяты колокола из колхозов. Там, где храмы не действовали, но и не было официального решения о закрытии, предписывалось ускорить процесс закрытия церкви. «Райфо (райфинотдел – О.П.) просит не задерживать оформление закрытия, т.к. требуется изъятие колокольной бронзы».

Сельские советы вынуждены были исполнять предписание: снимать колокола и отправлять их в Каргополь. Они отчитываются: «Печниковский сельсовет отправил 3 подводы с колокольной бронзой в Каргополь. Ряговский с/с направляет в Каргополь 22 колокола, кроме этого 2 ящика цветного металла, в которых собрана церковная утварь весом 110 кг».

В конце 1934 г. все колокола были на складе в Каргополе, и почти 10 тонн колокольной бронзы было отправлено на железнодорожную станцию Няндомы. Таким образом, была решена судьба каргопольских колоколов.